

Аединова Э.У.

УДК 801.001.

**ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В процессе контакта с незнакомой (чужой) культурой складывается определенное отношение к ней. Носитель другой культуры традиционно воспринимается как “чужой”. Понятие “чужой” может связываться с носителями определенной культуры, контакты с которой наиболее интенсивны либо особо значимы для культуры реципиента.

Актуальность статьи в том, что понимание текста и оценка его содержимого рассматривается как комплекс факторов социально-демографического, социально-психологического, культурно-языкового характера.

Цели статьи следующие: рассмотреть возможные источники стереотипов с социально-психологической и культурологической точек зрения; выявить экстралингвистические факторы понимания текста; сравнить понятие «языковая картина мира» с понятием «картина мира».

В русской культуре XIX века представление о “всех чужих” связывалось чаще всего с французами, причем знание французского языка было знаком принадлежности к элите, к социальному слою, противопоставленному всем другим социальным слоям. Именно об этом в комедийном духе свидетельствует следующий диалог в “Женитьбе” Н.В.Гоголя: “А...на каком языке изъясняются в Сицилии? – А натурально, все на французском. – Все-с решительно” [1, с. 94].

В конце XIX – начале XX в. чаще “чужим” считается представитель немецкой культуры. Корень слова немец – нем-, от немой, то есть немец – это немой, не умеющий говорить (не знающий нашего языка) человек. В основе определения иностранца, таким образом, лежало его неумение говорить на родном, в данном случае русском языке, неспособность выразить себя словесно. Чужеземец из чужих земель и затем иностранец из иных стран, пришедшие на смену немцу, переставили акцент с владения языком на происхождение: из чужой земли, из иных стран. Весь мир делится таким образом на своих, объединенных языком и культурой людей и на чужих, не знающих языка и культуры [2, с. 17].

Слова стереотип, стереотипный имеют негативную окраску и в русском, и в английском языке, так как определяются через слово шаблонный, в свою очередь определяемый как избитый, лишенный оригинальности и выразительности. При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, снижают культурный шок. “Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального и географического мира” [2, с. 13].

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты. Европейские стереотипы хорошо видны в следующей шутке: “Paradise is where cooks are French, mechanics are German, policemen are British, lovers are Italian, and it is all organized by the Swiss. Hell is where cooks are British, policemen are German, lovers are the Swiss, mechanics are French, and it is all organized by Italians [Рай там, где повара – французы, механики – немцы, полицейские – англичане, любовники – итальянцы, а организуют все швейцарцы. Ад – где повара англичане, полицейские – немцы, любовники – швейцарцы, механики – французы, а организуют все итальянцы]”.

Другим источником можно считать национальную классическую художественную литературу. В рамках нашего исследования обратимся к статье Джорджа Оруэлла “Англичане” [3, с. 30], где он очень точно характеризует английскую нацию.

“Стоит на минуту поставить себя на место иностранного наблюдателя. Почти наверняка, он сочтет основными чертами рядовых англичан их глухоту к прекрасному, благонравие, уважение к закону, недоверие к иностранцам, сентиментальное отношение к животным, лицемерие и одержимость спортом”.

В качестве доказательства этой точки зрения приведем пример из романа С. Моэма “Луна и грош”, где автор описывает стремление англичан всегда соблюдать приличия. Многие из того, что они делают, свидетельствует об их неискренности, носит лицемерный характер, поскольку англичанам свойственно придерживаться определенных норм поведения.

‘Oh, my poor dear, you’re thinking of that day he came here to look at my pictures. What does it matter if he didn’t think them any good? It was stupid of me to show them to him. I dare say they’re not very good.’ ‘Even if he didn’t like them he should have been civil. He needn’t have insulted you.’ [4, с. 104]

Деточка моя, ты все вспоминаешь, как он пришел сюда смотреть мои картины. Что за беда, если ему они показались скверными? С моей стороны было глупо показывать их. А кроме того, они ведь и вправду не очень-то хороши. Даже если они ему не понравились, он обязан был соблюсти вежливость. Зачем он оскорбил тебя? [5, с. 82]

New arrivals claimed my host’s attention, and I was left to myself. It was the kind of party which makes you wonder why the hostess has troubled to bid her guests, and why the guests have troubled to come. There were ten people. They met with indifference, and would part with relief. It was, of course, a purely social function [4, с. 37].

“Новые гости отвлекли от меня внимание хозяина, и я снова был предоставлен самому себе. Это был один из тех обедов, когда невольно дивишься: зачем хозяйка утруждает себя приемом гостей и зачем гости взяли на себя труд прийти к ней. За столом было десять человек. Они встретились равнодушно, и разоитись им предстояло со вздохом облегчения. Такой обед был отбыванием светской повинности.” [5, с. 22].

Многие англичане не мыслят своей жизни без виски. Снова цитируем С. Моэма:

‘He was heart-broken because he had no whisky, wanted to make coffee for me [4, с. 80].

“Он никак не мог оставить меня в покое, без конца сокрушался, что в доме нет виски, бросился варить для меня кофе от избытка чувств” [5, с. 60].

Тем не менее, как источник сведений о национальном характере художественная литература, дает неполное и субъективное представление о народе и о его национальных стереотипах, потому что каждое художественное произведение классической литературы имеет конкретного автора с его субъективным, то есть ему лично присущим, видением мира.

Для того чтобы изучить проблему восприятия и понимания стереотипов в художественном тексте, нужно коснуться вопроса понимания инокультурного текста в целом. Понимание можно определить как позитивный результат человеческой коммуникации. Как парное психическое переживание характеризует понимание Б.Ф. Поршнев: без наличия двух индивидов – говорящего и слушающего, сообщающего и воспринимающего – не существует языка (речи) и восприятия (понимания) [6, с. 80].

Пониманию, по мнению Дж. Миллера, обычно способствует нечто существующее сверх языкового (речевого) контекста и связано с конкретным высказыванием [7, с. 249]. А.А. Леонтьев считает, что пониманию способствует “психологическая ситуация”, в условиях которой происходит процесс общения [8,30]. Иными словами, реципиенту необходимо ориентироваться в ситуациях использования речи. Для достижения понимания необходима одинаковая интерпретация высказывания говорящим и слушающим.

З.И. Клычникова приводит следующие факторы, влияющие на степень трансформации текста реципиентом:

- соотношение систем понятий, которыми оперируют отправитель и получатель информации;
- общие и специальные знания реципиента;
- коммуникативная насыщенность текста;
- эксплицитность языковой информации;
- индивидуально-психологические свойства реципиента;
- общие закономерности его психической деятельности [9, 87].

С социально-психологической и культурологической точки зрения результатом понимания текста можно считать “приобщение к большинству” (социализацию) реципиента, получающего через тексты культуры программы социального наследования, формирующего человека как личность [10, 102; там же, с.83]. Приобщение к “чужому” большинству может быть достигнуто в результате усвоения языка некоторой лингвокультурной общности, что является первым шагом к пониманию ее культурного своеобразия. Непонятное (“чужое”) следует трактовать широко: это могут быть и незнакомый язык, и несвойственные реципиенту стандарты восприятия, потребности и системы ценностей.

Итак, язык фиксируя коллективные стереотипные и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает ее доступной для изучения.

Картина мира того или иного этноса становится фундаментом культурных стереотипов. Ее анализ помогает выявить различия в национальной культуре того или иного народа.

Источники и литературы:

1. Гоголь Н. В. Избранные произведения / Н. В. Гоголь. – М., 1984.
2. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур / А. В. Павловская. – М., 1998.
3. Оруэлл Дж. “1984” и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. – М., 1989.
4. Maugham S. The Moon and Sixpence / S. Maugham. – Moscow, 1972.
5. Моэм У. С. Собрание сочинений : в 5 т. / У. С. Моэм. – М., 1991. – Т. 2.
6. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М., 1966.
7. Миллер Дж. Психоллингвисты / Дж. Миллер // Теория речевой деятельности: Проблемы психоллингвистики. – М., 1968.
8. Леонтьев А. А. Факторы вариативности речевых высказываний / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974.
9. Клычникова З. И. Некоторые психологические особенности обучения взрослых чтению на иностранном языке / З. И. Клычникова // Чтение. Перевод. Устная речь. Методика и лингвистика. – Л., 1977.
10. Брудный А. А. Проблема языка и мышления – это прежде всего проблема понимания / А. А. Брудный // Вопросы философии. – 1977. – № 6.